

Любова

Медведева

Член-корреспондент Петровской Академии
наук и искусств, член Союза писателей России

«Я УЖЕ БЕСКРАЙНЕЕ ПОЮ...»

Валерий Михайлов – поэт внутренний, одухотворенный, сокровенный, поэтому открытия его подстерегали повсюду. Всю жизнь «он слушал говор племени родного, глубинно отзывались недра слова». Именно в звуковых «недрах» Валерий Михайлов добывает тайнознание. «Музыка в словах невыразима, музыка в словах неразгласима...» Автор из тех, кто трогает за тайные струны, и они звучат:

*Слово лишь гулкая вежа,
Луч, залетевший во тьму,
Музыки смутное эхо,
Непостижимой уму.*

Восхождение звука, его прораствание и расцвет в творчестве русских поэтов происходит по-разному, это зависит от индивидуальности ваятеля слов, от гула эпохи, от способа слышанья и слушанья земной и небесной музыки. Все эти величины у Валерия Михайлова определяет «угол сердца»:

*Лишь песня не подвластна злу и тленью,
И по ее невучему веленью
Избрал он угол сердца...*

Так говорит автор о поэзии В. Хлебникова, но это изречение можно отнести и к творческой позиции В. Михайлова. Время обтесало все лишнее, и поэт взошел на ступень возраста, с которой открываются истина и беспредельность: «Я уже бескрайнее пою». Только приближение к вере дает такие поразительные откровения, «дар небес, звучанье в сердце Бога». «Дар» поэт получает не просто так: сначала он учится слушать и слышать чутко, как «меж холодных ветвей лишь незримое время неслышно течет, по сугробам лишь вечность рукою рассеянной рыщет...» Валерий Михайлов живет, «драгоценные слушая шорохи». Размышления автора постоянно сопровождают земные и небесные звуки: «птичьи флейты небесного лепета льются в свете ином». Ответы на вопросы о смысле бытия поэт считывает с неба, точнее, в «нерасслышанной прежде тиши». Как цветок вырастает из земли, так звукопение пробивается из еле слышных шорохов.

*Скрипы и стуки, и грюки,
Тайн поднебесных молва...
Эти престранные звуки,
Что они – знаки? слова?*

Именно эти знаки-слова приближают к острому желанию разгадывать «исподнебесные звуки, крыльев натруженных стон». Так из звуко смысла лепится поэтическая вселенная Валерия Михайлова. Поначалу ощущение жизни будит звон птичьих крыльев:

*А ласточка стихи крылами пишет,
И росчерки стекают как струна.
И воздух синезвучной рифмой дышит,
Где летывала вольная она.*

И вот уже в стихах Михайлова на веточке строки «иволга поет на дивной флейте». И все вокруг – звукотворение и песня: «блескучая, зеленая, льняная, горячая, кругом поет вода». Воистину, «дух врачует песнопенье», оно вырастает у Михайлова из материнской колыбельной, из воспоминаний о голосе любимой

*Теплой свечкою в белом тумане
Голос девичий песню поет...*

*Что за песня? Напева и слова
В белом омуте не разгадать,
Только, кажется, сердце готово
Всю-то жизнь этой песне внимать.*

И чем выше восходит поэт по ступеням веры, тем больше отступает земное, и сердце томится жаждой «услышать надземное пенье и в молитве кровию истечь».

*– Пети, пети, пети! – птица за окном.
Мир зеленый зрети под живым крылом,
Воздухом дышати, свежим, как трава,
В синеву взмывати, как весной листва.*

*Все на этом свете – только для того,
Чтобы жизнь воспети в милости Его,
Все ему воздати... – а там станет звать:
– Спати, спати, спати! – ласковая Мать.*

Птица лепит гнездо из веток, ангелы ладят жилища из облачной пены, Михайлов строит дом своей души «в высоком небе, чистом и певучем».

*Словно бы облако с неба спустилось,
Где мы очнулись и снова живем,
И никогда ни за что не умрем.*

Поэт мучится «самим же собой неразгаданным словом», вслушивается в его пение, звоны, лепет и все более томится желанием познать неразгаданное. «Постичь бы то, что не постичь, чему не отзвука, ни звука». Все чаще его тревожит

«память о млечном тумане, ране жизни и совести ране». По убеждению поэта, «душа возвращается вспять, чтоб родное на небе обнять». Получается, что человек сквозь жизнь идет от неба к небу, поэт знает, верит и ждет возвращения в облачную отчизну. О земной родине говорит: «пью твое дыхание ржаное, за тебя у Господа молю». По существу, стихи Валерия Михайлова последних лет – это светлое, молитвенное песнопение:

*Но в мире есть другие битвы,
Они не зримы тоже никому -
То к Богу обращенные молитвы,
Пронзающие угольную тьму*

Молитва-свет озаряет судьбу поэта, пробуждает в душах современников певучие ростки веры праведной и спасительной, это «смиранный свет любви безмерной, провидящей сквозь темноту, и Сына путь до чаши смертной, и путь наш вечный ко Христу».

Стихи Валерия Михайлова освещены мудрыми мыслями, дарующими надежду на то, что «мы все уходим в небо постепенно»... И, оставляя на земле «кузнечиков рассыпчатое пенье», «русских нив роскошное дыханье, свет серебряный, родной души», поэт не горюет –

*Поплыву лучше я по теченью,
По волнистому по влеченью,
Уплывающей в небо души.*

Жизнь поэта не была легкой и легковесной, но он познал высшую отраду творчества и слышал Божий глас. «О, какие дали увидали те, кто сердцем небо услышали». Именно поэтому многие стихи В. Михайлова полны пением духовным, питают сердце свое пророческой, светлой силой, а впереди:

*Вечной музыки надмирной
Упомяющие звуки,
Бесконечной словно небо,
Беспредельной как любовь.*

Поэтические книги Михайлова, как всякие цельное, мощное и многосложное произведение искусства, трудно оценить в контексте быстротекущего времени, тем более, что лирический герой пребывает скорее не здесь и сейчас, а в пределах вечных и неведомых.

Мое сердце прислушалось к отрадному, благодатному слово- и песне- творению о бескрайнем, которое восходит к русской духоспасительной поэзии. Как Г.Р.Державин, «вдохновенный гласом звонким», Валерий Михайлов «честный обитатель света», и за это ему благодарность и низкий поклон от чутких читателей.

г. Усть-Каменогорск

